

Е. С. КУБРЯКОВА

О ТИПАХ МОРФОЛОГИЧЕСКОЙ ЧЛЕНИМОСТИ СЛОВ,
КВАЗИ-МОРФАХ И МАРКЕРАХ

Важнейшим этапом морфологического анализа является, как известно, первичная сегментация текста, производимая вплоть до того момента, когда весь изучаемый корпус материала окажется разбитым на минимальные отрезки, обладающие значением и повторяющиеся в другом лингвистическом окружении в том же составе и с тем же значением. Предпосылкой членения текста служит, следовательно, убеждение в том, что в каждом тексте, как и в каждом куске связной речи, некоторые отрезки оказываются сходными или частично сходными по своему содержанию и форме¹. Это означает также, что в любом корпусе речевых высказываний, в частности, в письменном тексте заданного объема, всегда может быть обнаружено конечное число минимальных линейных единиц, из которых он состоит. В качестве такой минимальной единицы, соотносящей план выражения с планом содержания и передающей с помощью определенной звуковой (фонологической, графической) последовательности определенное значение, рассматривается обычно морфема и актуализирующие ее в тексте морфы.

Несмотря на ясность исходных теоретических установок, обуславливающих задачи членения на морфологическом уровне и ориентирующих на поиски и обнаружение указанных двусторонних единиц, сама процедура выявления в тексте составляющих его морфем сопряжена, как правило, со значительными практическими трудностями, особенно ощутимыми в языках синтетического строя. Параллельно вопросам о том, членима ли вообще данная последовательность и сколькими морфемами она представлена, на практике нередко возникают и вопросы о том, где именно проходит морфемная граница, и действительно ли обладает морфемным статусом вычлененная нами единица, если мы не можем связать с нею какого-либо четкого значения или если мы не можем обнаружить одну из сочетающихся с ней единиц в другом лингвистическом окружении.

Особенно отчетливо выступают затруднения этого рода при анализе сплошного текста, когда исследователь ставит своей целью исчерпывающе разбить на морфы невыборочные формы языка, а кусок связного текста, и когда он стремится представить весь анализируемый текст в виде морфемных цепочек. Естественно в то же время, что без такой тотальной поморфемной переписи текста многие явления, характерные для синхронного состояния данной системы, ускользают из поля зрения исследователя, и результаты его морфологического анализа не могут считаться адекватными. Хотя сегментация сплошного текста была предложена Дж. Гринбергом и связанными с ним американскими лингвистами в целях исчисления особых статистических индексов, вводимых для типологического сравнения языков, представляется важным подчеркнуть целесообразность этой же методики и для общей характеристики морфологической

¹ См.: Л. Блумфилд, *Язык*, М., 1968, стр. 166, Комментарий, стр. 576.

системы отдельного языка. При таком подходе становится особенно существенной роль непротиворечивой сегментации материала.

Конечно, уже исходное определение морфемы предполагает некоторую позитивную информацию о том, на поиски каких именно единиц направлено внимание исследователя. Вместе с тем для языков с известной нечеткостью структурно-семантического противопоставления членимых и нечленимых отрезков одного этого определения недостаточно. и лингвисту приходится предусматривать некоторые специальные приемы сегментации текста и вводить целый ряд особых правил, разъясняющих принятие того или иного решения в определенной сложной ситуации и обеспечивающих формальную однотипность подобных решений. Наборы таких правил были выдвинуты рядом ученых и применительно к решению задач о членимости ~ нечленимости форм на морфологическом и особенно — словообразовательном уровнях². Общая теория морфологической членимости слов, однако, еще во многих отношениях неясна.

В настоящем сообщении мы хотим осветить некоторые аспекты этой общей теории, связанные не только с несомненной зависимостью производимого членения от исходного определения морфемы, но и с некоторыми частными ограничениями, налагаемыми на морфологическую сегментацию как с формальной, так и с семантической точек зрения. Целесообразнее всего описать их сущность, вводя для этого специальное понятие о сегментации слов на морфологическом уровне, понятие морфологической членимости форм³.

Ориентация на выявление в тексте минимальных двусторонних единиц означает в первую очередь, что в тексте следует обнаружить языковые отрезки, обладающие свойствами предельности и значимости. Первое обуславливает невозможность остановиться при членении отрезка на выделении составной единицы, содержащей в себе еще какие-то части, наделенные значением, типа русск. *-ство, -ение*, исл. *-samur, -legur*, швед. *-formig*, дат. *-tæssig* и т. д.⁴. Это же ограничение значит, что мы не можем произвести членения такой единицы, которая, хотя и выделяет какие-то части, не соотносит их с сепаратными значениями. Нельзя, по нашему мнению, расчленить нем. *-ler, -ner, -iker, -enser, -(i)aner* и т. п. (в *Sportler* «спортсмен», *Rentner* «рантье», *Chemiker* «химик» и т. п.), хотя в этом же языке есть и суффикс *-er*: *Arbeiter* «рабочий». Последнее исключает возможность прийти к такому разбиению формы, при котором ни одной выделенной части нельзя приписать известной значимости. Важно отметить, в этой связи, что возможность вычленения языковых элементов заложена не только в их повторяемости, как это неоднократно подчеркивали американские дескриптивисты⁵, но и в том, что подобные элементы повторяются как

² Из специальных работ последнего времени укажу в этой связи, например, на ряд отечественных работ: К. А. Левковская, О проблеме производности основ, «Вопросы составления описательных грамматик», М., 1961; Н. А. Крылов, Типы основ в современном русском языке, ФН, 1963, 2; Е. А. Земская, Понятия производности, оформленности и членимости основ, «Развитие словообразования современного русского языка», М., 1966; «Словообразование современного русского литературного языка», М., 1968, гл. 8; Н. А. Янко-Триницкая, Членимость основ русского слова, ИАН ОЛЯ, 1968, 6 и др.

³ Это понятие было введено нами в работе 1965 г. «Морфологическая структура слова в германских языках», см. сб. «Морфологическая структура слова в индоевропейских языках», М., 1970 (в печати).

⁴ Отсюда операциональное определение морфемы как единицы, в которую не укладывается целиком другая морфема. См.: И. И. Резни, О логической форме лингвистических определений (на примере определения морфемы), «Применение логики в науке и технике», М., 1960, стр. 145.

⁵ Решение о морфемном составе слова, — указывает, например, З. Харрис, — достигается простой проверкой на повторяемость частей слова в сходных окружениях.

носители определенной информации. Разложимость отрезка выступает поэтому как следствие сепаратной значимости его частей. Интересно, что именно эта сторона дела подчеркивалась и русскими формалистами — Ф. Ф. Фортунатовым, А. М. Пешковским и их последователями. Членимость формы зависит, соответственно, скорее всего от того, можем ли мы выделить в ней хотя бы одну такую часть, которая встречается с тем же значением в другом лингвистическом окружении⁶. Вместе с тем можно отметить, что конкретная разложимость формы проявляет зависимость не только от наличия фонетико-семантического сходства ее частей с частями других последовательностей⁷, но и от того, насколько подобное сходство очевидно. Естественно поэтому, что членимость формы оказывается тесно связанной с повторяемостью каждого из ее компонентов и что чем большей сферой распространения характеризуется каждый из этих отдельных компонентов и чем более ясное значение ассоциируется с каждым из них, тем проще и доказательнее осуществляется разложение всей формы в целом. Обусловленность сегментации формы условиями повторяемости ее частей в других окружениях, а также степенью сохранения единого содержания у такой части при ее воспроизведении, делают возможным определить объективно не только факт членимости или нечленимости конкретной формы, но и степень ее членимости. Используя в качестве таких объективных критериев свойства отдельных частей формы встречаться в уникальном или неуникальном окружении и повторяться в разных лингвистических окружениях с тем же или не с тем же значением, мы предлагаем различать: а) живое морфологическое членение слов; б) условное членение слов и в) дефектное членение слов.

Соответственно же тому типу членения, которому подлежит каждая языковая форма в силу ее объективных свойств, можно выделить четыре группы слов: характеризующиеся полной нечленимостью и противопоставленные им слова — а) обладающие признаками живой морфологической членимости, б) обладающие признаками условной членимости и в) обладающие признаками дефектной членимости. Различия между названными группами слов могут быть схематически представлены в виде «деривационного дерева», отдельные точки ветвления у которого соответствуют:

I — способности ~ неспособности слова выделять отдельные значащие части, повторяющиеся в другом лингвистическом окружении (согласно этому признаку, слова делятся на ч л е н и м ы е ~ н е ч л е н и м ы е).

II — способности выделенных отрезков в членимых формах повторяться в неуникальном ~ уникальном окружении (согласно этому признаку, членимые образования делятся на ф о р м а л ь н о ч л е н и м ы е, т. е. такие, которых каждая из выделенных частей повторяется в ином окружении, и д е ф е к т н о ч л е н и м ы е, т. е. такие, у которых одна из выделенных частей встречается только в уникальном или почти уникальном окружении).

III — способности выделенных отрезков формально членимых слов повторяться в разных окружениях с тем же или не с тем же значением (согласно данному признаку, слова делятся на обладающие признаком

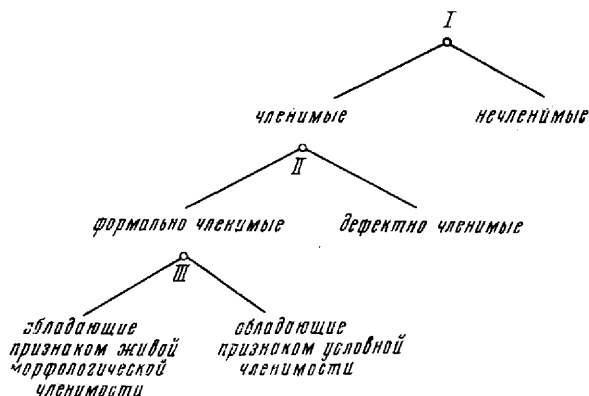
См.: Z. S. Harris, *Distributional structure*, в кн.: «The structure of language», New Jersey, 1964, стр. 39.

⁶ См.: M. D o k u l i l, *Tvoření slov v češtině*, 1. Teorie odvozování slov, Praha, 1962, стр. 212.

⁷ О степени формального сходства, необходимого и достаточного для отождествления морфов одной морфемы, мы писали в другой нашей работе (см.: Э. А. Макаев, Е. С. Кубякова, О предмете и задачах морфологии и ее месте среди других лингвистических дисциплин, «Единицы разных уровней грамматического строя языка и их взаимодействие», М., 1967, стр. 19—22) и поэтому в настоящем сообщении этой проблемы более не затрагиваем.

живой морфологической или условной членности).

Введение разных типов членения на уровне морфологии мотивируется не только необходимостью отграничить объективно безусловно членимые образования от столь же безусловно нечленимых, но и найти точное место всем промежуточным или пограничным случаям.

Живое морфологическое членение осуществляется тогда, когда каждая из повторяющихся частей анализируемой последовательности находит соответствие в целой серии форм и когда каждой из этих частей можно легко и без натяжек поставить в соответствие некий фрагмент информации. Подобное членение выступает особенно наглядно в тех случаях, когда определенной части звуковой или графической последовательности коррелятивно определенное содержание, простое или комплексное, ср. англ. *cat* — *cat-s*, по русск. *кот* — *коты*. Наличие однозначных корреляций между единицами плана выражения и плана содержания, однако, отнюдь не обязательно. Предпосылкой живого морфологического членения формы может служить также организация ее по регулярной модели: структура формы и возможности ее членения тесно между собой связаны. Производя членение, мы обнаруживаем строение формы и наоборот: зная модели регулярных форм и их состав, мы легко производим членение формы, созданной по ее образцу. Анализ моделирования формы и анализ ее членности взаимобусловлены и часто протекают параллельно друг другу. Как правило, формы, построенные по типовым и регулярным моделям (как морфологическим, так и словообразовательным), демонстрируют свойства живой морфологической членности. Верно и обратное: у форм, прозрачных по составу и легко обнаруживающих свои отдельные части, несложно определить ту модель, которая лежит в их основе. Живое морфологическое членение поддерживается, таким образом, простым вхождением ее частей в правильные пропорции, простым сопоставлением всей формы в целом со структурно соотносительными формами, возможностью простой замены одной из выделяемых частей другою, и, наконец, естественностью соотнесения каждой отдельной части с постоянным и тождественным самому себе содержанием. Последнее очень существенно в том смысле, что хотя морфема по определению обязательно значаща, из этого отнюдь не следует, что само это значение всегда просто установить. Попробуйте установить значение морфемы *м-* в русском *мыть* или *в-* в русском *выть* безотносительно к значению того целого, что выражают эти слова; можно, однако, с уверенностью утверждать, что эта морфема

значит в *мыть* то же, что и в *умыванье*, *моюсь*, *омовенье*, *размытый* и т. п. Таким образом, одно дело — трудность определения значения морфемы, возможная и при живом морфологическом делении, другое — определение того, *з н а ч а щ а* ли вообще анализируемая единица и передает ли она *о д н о* и *т о* же отдельное значение, или нет.

Трудности этого рода возникают в тех случаях, когда членение, вполне оправданное с формальной точки зрения повторяемостью отдельных частей последовательности в разных лингвистических окружениях, вызывает возражения по семантическим соображениям. Этот тип членения мы и предлагаем называть *у с л о в н ы м*. Можно указать в этой связи на различие членения форм на морфологическом уровне, с одной стороны, и словообразовательном, с другой. Так, форма *бычок* в значении «детеныш мужского пола определенного животного» поддается живому морфологическому членению в силу простых корреляций ее с отрезками *бык-/быч-* и *ок* как в семантическом, так и формальном плане. Напротив, членение формы *бычок* в значении «сорт рыбы» возможно лишь как сугубо условное, притом исключительно на морфемном уровне: со словообразовательной точки зрения эта же форма нечленима. Условное членение вводится здесь, как и в других случаях, для описания форм, семантическая цельность и неразложимость которых противоречит их морфемной структуре. Благодаря формальной возможности отделить в подобных образованиях аффиксальную морфему от корневой и даже приписать ей некое повторяющееся значение⁸, про эти формы можно сказать, что они стереотипны по своей морфологической, но не словообразовательной модели, т. е. по составленности из отдельных частей, но не по семантическим отношениям между ними. Этот последний признак отличает, однако, не только морфологические фразеологизмы. Если морфологические фразеологизмы характеризуются прежде всего невыводимостью их общего значения из значения частей, их составляющих, то в другой серии условно членимых образований семантическая ущербность формы проявляется в невозможности определить значение некоторых ее частей иначе, чем вычитанием из общего значения формы значения отдельных ее понятных элементов. В трактовке этих форм мы придерживаемся, следовательно, мнения А. И. Смирницкого о том, что «отсутствие значения у одного звукового отрезка основы (или слова) можно констатировать только тогда, когда у другого, остающегося, звукового отрезка также не обнаруживается никакого значения основы (или всего слова)»⁹. По аналогии с безусловно членимыми образованиями типа англ. *de-form* «деформировать, искажать», *con-form* «сообразовать», *re-form* «переделывать, формировать заново», *per form* «осуществлять, производить», ср. *form* «формировать», мы считаем *у с л о в н о* членимыми и образования типа *de-tect* «обнаруживать», *pro-TECT* «защищать», или *de-ceive* «обманывать», *per-ceive* «воспринимать», *re-ceive* «получать» и т. п., хотя последние, повторяя по формуле своего строения конструкции с префиксами, и не дублируют семантических отношений между префиксом и основой. Таким образом, простоте разложения форм здесь мешает не столько их идиоматичность, сколько условность приписывания отрезкам типа *-tect* или *-ceive* какого-либо ясного значения (кроме чисто дифференциального).

Из сказанного выше вытекает также, что семантические основания для членения на морфемном уровне оказываются иными, чем для членения

⁸ Так, суффиксу *-ок* можно приписать и в фразеологизмах значение уменьшительности, ср. *кружок* «небольшое объединение людей» и т. п.

⁹ См., например: А. И. С м и р н и ц к и й, Лексикология английского языка, М., 1956, стр. 59—64, особенно стр. 64.

на уровне словообразования¹⁰. Сознвая некую искусственность условного членения, мы тем не менее считаем его целесообразным как из-за структурного параллелизма некоторых образований отчетливо делимым формам, так и по ряду причин, связанных с обычным обликом морфемы и ограничениями, касающимися законов фонемной протяженности одной морфемы.

И живое морфологическое членение, и условное членение слов отвечают общим формальным требованиям, предъявляемым к членению форм, и потому могут быть вместе охарактеризованы как способы предельного деления слов на уровне морфологии. Дефектное членение противопоставит им в этом смысле из-за нарушения ведущего формального правила сегментации текста: вычленять единицы, обладающие свойством повторяемости в разных окружениях. Отклонение от этого правила возможно, собственно, только для небольшого числа реликтовых или маргинальных образований, в целом не показательных для строения всей системы. Как известно, вопрос о членении подобных форм служил предметом неоднократного рассмотрения как в зарубежной литературе, где дискуссия была сосредоточена вокруг обсуждения делимости образований типа англ. *stan-berry* «клюква»¹¹, так и в отечественном языкознании, где обсуждение вылилось в длительную полемику по поводу членимости форм типа *малина*, *петух*, *буженина* и т. п.¹². И в том и в другом случае речь шла о сегментировании форм, одна часть которых редко встречается или совсем не встречается в другом окружении. Подобно многим другим лингвистам, мы полагаем, что и эти формы можно расчленить на морфологическом уровне и что, следовательно, четкой выделяемости хотя бы одного элемента в форме достаточно для того, чтобы признать ее членимой в целом. Дистрибутивная дефектность элемента, остающегося за вычетом обычного морфа, объясняет, почему мы предлагаем обозначить этот тип сегментации как *дефектное членение*. Итак, дефектным является такое членение формы, в результате которого приходят к выделению отрезка, засвидетельствованного в данном языке в уникальном (или почти уникальном) окружении. Этот тип членения предусматривает, следовательно, членение образований, имеющих в своем составе уникальную корневую или уникальную служебную морфему: наличие двух рядом стоящих уникальных морфем исключается по определению¹³. Примером уникальных неслужебных единиц могут служить нем. *Brom-* в *Brombeere*

¹⁰ См. подробнее: Е. С. Кубрякова, Что такое словообразование, М., 1965, стр. 29 и сл.

¹¹ Ср. например: Л. Блумфилд, указ. соч., стр. 167; Г. Глассон, Введение в дескриптивную лингвистику, М., 1959, стр. 121—122; Ch. F. Hockett, A course in modern linguistics, New York, 1958, стр. 126—127; J. H. Greenberg, Essays in linguistics, New York, 1959, стр. 20; D. L. Bolinger, On defining the morpheme, «Word», 4, 1, 1948.

¹² См.: Г. О. Винокур, Заметки по русскому словообразованию, ИАН ОЛЯ, 5, 4, 1946; А. И. Смирницкий, Некоторые замечания о принципах морфологического анализа основ, «Доклады и сообщения филол. фак-та МГУ», 5, 1948; е го ж е, Лексикология английского языка, стр. 59—64; Н. Д. Арутюнова, Очерки по словообразованию в современном испанском языке, М., 1961, стр. 45 и сл.; А. А. Реформатский, И. Агглютинация и фузия как две тенденции грамматического строения слова, «Морфологическая типология и проблема классификация языков», М.—Л., 1965, стр. 76—80; В. В. Лопатин, И. С. Улуханов, [ред. на кв.:] Н. М. Шанский, Очерки по русскому словообразованию и лексикологии, ФН, 1961, 1; Е. С. Кубрякова, Что такое словообразование, стр. 30—34; М. Д. Степанова, Методы синхронного анализа лексики, М., 1968, стр. 84, и сл.; Н. М. Шанский, Очерки по русскому словообразованию, М., 1968, стр. 54 и сл.; R. S. Ginzburg, S. S. Khidekel, G. Y. Knyazeva, A. A. Sankin, A course in modern English lexicology, М., 1966, стр. 124—128.

¹³ Ср.: S. Saporita, Morpheme alternants in Spanish, «Structural studies on Spanish themes», Urbana (Ill.), 1959, стр. 32.

«ежевика», *Dam-* в *Damhirsch* «лань», *-ginn-* в *beginnen* «начинать»; примером уникальных служебных единиц *-en* в англ. *oxen* «быки», *-ren* в *children* «дети».

Чтобы продемонстрировать нагляднее различия в отдельных типах членения, приведем несколько конкретных примеров. Так, англ. *ablaze* «в огне», *abed* «в постели», *abloom* «в цвету», *abroad* «широко, вширь» характеризуются живой морфологической членимостью, а слова *away* «прочь», и *abroad* «за границей» — условной. Англ. *dangerous* «опасный», *murderous* «убийственный», *disastrous* «бедственный» легко членятся в соответствии с живыми нормами данного языка, но *jealous* «ревнивый» и *raucous* «хриплый» проявляют лишь свойство дефектной членимости, выделяя в своем составе уникальные связанные корни. В ряду немецких образований *Ge-sund-heit* «здоровье», *Ge-wohn-heit* «привычка», *Ge-samt-heit* «совокупность», *Ge-mein-heit* «низость» признаком живой морфологической членимости обладает только слово *Gesamtheit*, ср. *gesamt* «вместе», *zusammen* «совместно», признаком условной членимости — слово *Gewohnheit*, ср. *gewöhnen* «приручать». Остальные же слова иллюстрируют дефектное членение, ибо входящие в них корневые морфемы отличаются дистрибутивными ограничениями, не свойственными данному классу морфем, и встречаются только в соединении с префиксом *-ge*, ср. *ge-sund* «здоровый» и *ge-mein* «низкий». Среди шведских названий ягод на *-on* легко членится, например, *ling-on* «брусника», откуда *ling-bär* «брусничный», но не *hallon* «малина» или *smultron* «земляника», демонстрирующие дефектное членение.

Целесообразно рассмотреть теперь, насколько отражается указанное различие в типах членимости слов на их составе. Если мы установили, что одна часть анализируемой формы является морфем, — пишет С. Сапорта, — следует признать, что и другая часть этой же формы — тоже морф¹⁴. Подобный тезис, однако, не может быть принят без существенных оговорок. Он правилен, по всей вероятности, в том, что вычленение одного или нескольких безусловных морфем свидетельствует о разложимости всей формы в целом. Справедлив он и в том отношении, что остаточная часть такого деления тоже должна получить интерпретацию в морфологических терминах. Вряд ли он, однако, верен в том, что признание одной части формы морфем ведет механически к рассмотрению и другой части тоже в качестве морфа. По нашему мнению, это справедливо только относительно слов, проявляющих признаки живой морфологической членимости. Эти слова, действительно, сводимы к определенному числу морфем, и могут считаться на этом основании конструкциями из безусловных морфем. Слова же, обладающие признаками условной или дефектной членимости, включают наряду с обычными морфемами некие единицы, функционирующие параллельно морфемным единицам, но по тем или иным причинам не достигающие статуса полноценного морфа. Такие единицы мы и предлагаем называть квази-морфемными, или просто к в а з и - м о р ф а м и. Итак, квази-морфы — это такие языковые элементы, которые встречаются в данном языке в виде строевых единиц отдельных нерегулярных форм и которые не достигают статуса безусловного морфа в системе языка либо из-за не свойственной данному классу морфем узкой сочетаемости, либо по чисто семантическим причинам, описанным выше. Квази-морф — это такая разновидность морфемных единиц, на дистрибуцию которых в синхронной системе налагаются ограничения, большие, чем на дистрибуцию соответствующего к л а с с а морфов. Это единицы либо структурно, либо семантически дефектные; уникальные же квази-морфы иногда дефектны и структурно, и семантически.

¹⁴ См.: S. S a p o r t a, указ. соч., стр. 34.

В пределах морфологических фразеологизмов, которые, как мы подчеркивали выше, характеризуются свойством условной членимости, составляющие их компоненты неполноценны в семантическом плане, поскольку они своим собственным четким отдельным значением не обладают: в таком английском сложном слове, как *blackbird* «дрозд», *black* утратило значение «черный», а *bird* — значение «птица»; элементу *cran* в *cranberry*, как и элементу *Brom-* в нем. *Brombeere*, вообще нельзя приписать никакого значения, кроме дифференциального, что корневым морфемам не свойственно. Сравнивая англ. *de-duce* «выводить», *re-duce* «сводить» и *in-duce* «побуждать», мы можем спорить о том, допустимо ли приписать элементу *-duce* какое-либо общее лексическое значение, но мы вряд ли можем отрицать, что связанность этого элемента резко отличает его от других глагольных морфем английского языка, особенно исконных. Наконец, уникальный служебный элемент в примерах типа русск. *стеклярус* дефектен, по-видимому, и со структурной, и с семантической точек зрения — как по сочетаемости, так и по смыслу. Все подобные элементы мы и считаем квази-морфами. Как видно из приведенных примеров, некоторые квази-морфы являются членами обычных морфем (ср. компоненты *black-* и *-bird* с семантическим сдвигом), часто, однако, квази-морфы существуют на положении субморфемных единиц, не включаясь ни в одну морфему.

Квази-морф может выступать как единица, параллельная служебному морфу, или как единица, функционально эквивалентная морфу корневого. Их отличия можно при этом усмотреть в следующем. Корневой квази-морф отличается от корневого морфа своей связанностью, причем связанностью деривационными аффиксами¹⁵ — ср. русск. *низ-верг-нуть*, *по-верг-нуть*, *с-верг-нуть*; англ. *jeal-ous*, *rauc-ous*. Аффиксальный квази-морф отличается от обычного аффикса тем, что он в противовес подлинным аффиксам не формирует ни протяженных словообразовательных рядов, ни регулярных парадигматических объединений и сочетается только с крайне ограниченными кругом основ.

Интересно указать на то, что связь между уникальностью единицы и ее принадлежностью классу квази-морфемных частиц отнюдь не прямолинейна. Любая уникальная единица, выступающая в составе сложной морфологической конструкции, всегда представляет собой квази-морф, но не все квази-морфемные единицы уникальны. Так, например, не уникальны квази-морфы, вычлениющиеся в образованиях типа русск. *поверг-нуть*, *низвергнуть*, *свергнуть*, или квази-морфы, остающиеся после отсечения служебных морфем в заимствованиях, типа приводившихся выше англ. *-ceive*, *-tect* или *-duce*.

Уникальные служебные и уникальные неслужебные корневые единицы обладают в системе языка неравноценным статусом. Уникальность корневых элементов не может служить, собственно, доводом против их рассмотрения в качестве корневых, зато уникальность служебных единиц является несомненным препятствием при их отождествлении в качестве аффиксальных — аффикс по самой своей сущности не может быть единичным¹⁶. Как и обычные морфы, корневые квази-морфы и служебные квази-морфы не одинаковы по своей семантике. Корневые квази-морфы характеризуются

¹⁵ По нашему мнению, следует строго различать связанность корневой морфемы обязательными для данного языка словоизменительными морфемами (ср. русск. *стекл-о*, *крыть*, *кун-ий*), не препятствующую живой морфологической членимости форм, и связанность основы деривационными формантами (ср., например, англ. *con-venient* «удобный», создающую предпосылки для условного или дефектного членения).

¹⁶ Ср.: Е. А. Земская, Интерфиксация в современном русском словообразовании, «Развитие грамматики и лексики современного русского языка», М., 1964, стр. 42—43.

лишь потенциальной морфологической значимостью. О ее наличии свидетельствуют случаи обратного словообразования и окказионального словоупотребления (ср. англ. *to chauff* «возить в автомобиле» от сперва нечленяемого заимствованного *chauffeur* или русск. *смород-а* от *смород-ина*). Служебные же квази-морфы являются обычно носителями гораздо более определенных значений, и потому они легче выделяются после безусловных корневых морфем, чем корневые квази-морфы после префиксов или в окружении аффиксов. Так, уникальные служебные элементы в англ. *oxen* «быки» или дат. *fjne* «глаза» являются четкими выразителями множественного числа, а квази-морфы в *петух*, *пастух*, несмотря на их почти уникальность, оформляют значение своеобразного *nomen agentis* «тот, кто поет», «тот, кто пасет». Наличие подобных служебных уникальных элементов в слове характеризует поэтому их принадлежность к определенному парадигматическому или словообразовательному объединению и заставляет пересмотреть вопрос о том, кака я мор ф е м н а я е д и н и ц а в я з ы к е м о ж е т с л у ж и т ь о с о б о й п р и м е т о й к л а с с н о й п р и н а д л е ж н о с т и с л о в а.

Мы полагаем, что такими единицами в области сегментных отрезков являются: а) у форм, обладающих признаками живой морфологической членимости, а ф ф и к с ы; б) у форм, обладающих условной или дефектной членимостью, м а р к е р ы. Последнее специальное обозначение вводится нами, следовательно, для служебных единиц, служащих опознаванию категориальных значений у конструкции в целом и являющихся ее к а т е г о р и а л ь н ы м и м о р ф о л о г и ч е с к и м и п р и м е т а м и ¹⁷.

Маркерами являются языковые отрезки трех типов: 1) служебные (связанные) уникальные единицы, т. е. уникальные квази-морфы со словоизменительными или словообразовательными значениями (ср. приводившиеся выше элементы в *стеклярус*, *петух*, *фjне*); 2) служебные неуникальные (т. е. повторяющиеся в разном окружении) единицы, морфы, тождественные в звуковом и семантическом отношении обычным аффиксам данного языка, но в отличие от них вступающие в соединение не с морфами же, а с корневыми квази-морфами, 3) служебные единицы, морфы, тоже сочетающиеся с квази-морфами, но не имеющие коррелята в виде обычного регулярного аффикса. Подобно аффиксам, маркеры являются носителями известных категориальных значений и способствуют объединению слов, проявляющих признаки структурно-семантического сходства. Подобно аффиксам, маркеры способствуют классификации слов по частным разрядам. Выступая в системе языка в ролях, эквивалентных с функциональной точки зрения ролям аффиксов, маркеры выполняют эти роли в словах, характеризующихся условной или дефектной членимостью. Иначе говоря, в системе языка они обладают свойствами сочетаемости, отличными от тех, которые свойственны регулярным аффиксам.

Из трех групп названных нами морфемных единиц в специальной литературе были отмечены лишь элементы второй группы — звуковые комплексы, параллельные живым суффиксам, по отсечению которых, однако, не остается производящей основы, соотносенной хотя бы еще с одним словом в данном языке. Речь в данных случаях идет о таких образованиях, которые англисты называют первично-производными, но которые на самом деле не имеют никакого отношения к системе синхронного словообразования, типа дефектно членяемых образований на *-er*, ср. *spider* «паук», *auger* «сверло, бур», *otter* «выдра» и т. п., на *-ous*, ср. *pious* «набожный», *raucous* «хриплый», типа англ. *-able* в *affable* «приветливый» по сравнению с *drink* —

¹⁷ Более подробное описание маркеров в германских языках см. в нашей работе «Морфологическая структура слова в германских языках», гл. I.

able «питьевой» от *drink* «пить» или *adorable* «обожаемый» от *adore* «обожать»¹⁸. Субморфемные единицы, тождественные морфам, но не имеющие самостоятельного смысла, в составе морфологических фразеологизмов, описывает и И. А. Мельчук¹⁹. Представляется, однако, что категория маркеров — это более широкая категория, включающая указанные данными авторами элементы в качестве одной из возможных разновидностей. Общим признаком такой категории является признак функциональный — маркеры функционально эквивалентны служебным связанным морфемам, т. е. аффиксам. По своему положению в системе языка, однако, они резко отличаются от аффиксов.

В первой группе маркеров их отличием от аффиксов служат чисто дистрибутивные ограничения на сочетаемость подобных единиц, т. е. сама уникальность единицы.

Во втором, более сложном случае, проведение различий между маркером и аффиксом основано на расхождении, существующем между системным статусом анализируемых единиц и их положением внутри отдельных индивидуальных форм. Так, с точки зрения системы словообразования современного русского языка элемент *-ика* является суффиксом, оформляющим названия ягод: голубая ягода называется *голубикой*, черная — *черникой*, ягода с косточками в мякоти плода — *костяникой*. В таких названиях, как *брусника* или *ежевика*, подобная мотивация, однако, отсутствует, и с точки зрения данных индивидуальных форм нельзя утверждать, что между элементами *брусн-* и *-ика* существуют те же семантические отношения, что и между *черн-* и *-ика*. Членимость формы создает здесь как бы видимости производности, на самом деле отсутствующей. Вместе с тем вхождение названных форм в один словообразовательный ряд с образованиями *черника*, *голубика* и т. п., связано, несомненно, с наличием в них элемента, коррелятивного аффиксу, но не тождественного ему в синхронной системе деривации. Итак, в системе языка *-ика* — это словообразовательный аффикс, в индивидуальных же формах этот морф — только морфологическая примета принадлежности определенному словообразовательному ряду. Это — маркер.

Маркеры второй группы отнюдь не всегда лишены самостоятельного значения. Они не только обладают той же материальной формой, что и соответствующие аффиксы, но и выражают тот же круг значений. Только в отличие от других членов «своей же» морфемы маркеры вступают в соединение с уникальными связанными корнями (квази-морфами). Вероятно, в каждом языке можно сопоставлять поэтому серии регулярных форм с аффиксами и единичные образования с маркерами, ср. англ. *might* «мощь» — *mighty* «мощный», *greed* «жадность» — *greedy* «жадный», но *pretty* «хорошенький» со связанной основой *prett-*; ср. нем. *traurig* «грустный», *fleißig* «прилежный», *kräftig* «мощный», но *fertig* «готовый», тоже со связанной уникальной корневой единицей, квази-морфом. Конкретное деривационное значение выступает у маркера по сравнению с коррелятивным ему аффиксом в ослабленном и отчасти стертом виде, тем не менее маркер не лишен его полностью. Именно по этой причине маркер и позволяет опознавать категориальную принадлежность слова. Особенно отчетливо проявляются эти способности маркеров в пределах небольших, но

¹⁸ Ср.: Н. Н. Амосова, Этимологические основы словарного состава современного английского языка, М., 1956, стр. 67; Е. В. Малишевская, К вопросу о морфологической структуре слова в современном английском языке, «Уч. зап. [ЛГУ]», Серия филол. наук, 48, 1958, стр. 188 и сл.; И. П. Иванова, О морфологической характеристике слова в современном английском языке, «Проблемы морфологического строя германских языков», М., 1963, стр. 209, примеч. 12.

¹⁹ См.: И. А. Мельчук, К понятию словообразования, ИАН ОЛЯ, 1967, 4, стр. 355.

компактных структурно-семантических группировок, где маркер выполняет роль морфологической приметы какого-либо класса слв. Ср., например, ряды первообразных наречий в исландском языке на *-ir*, типа *fyrir* «перед», *yfir* «над; через», *undir* «под», *eftir* «после» и т. п., демонстрирующие, как правило, дефектное членение. Ср. аналогичные ряды предлогообразных наречий в немецком и голландском языках на *-en*, типа нем. *unten* «внизу», *oben* «наверху», *neben* «подле», *gegen* «против», *zwischen* «между»; голл. *buiten* «снаружи», *binnen* «внутри», *samen* «вместе», *boven* «над» и т. п. Наличие маркера упорядочивает указанные ряды и способствует опознанию определенных грамматических разрядов слов.

Как видно на последних примерах, демонстрирующих маркеры третьей группы, маркеры не соотносены здесь ни с каким обычным аффиксом, т. е. вычленены в силу их собственной повторяемости с одним и тем же значением. Маркеры этого типа не столь часты, но и они встречаются в системах различных языков. Ср., например, словообразовательный ряд, включающий обозначения тканей из синтетических волокон, засвидетельствованный во многих языках, типа *нейлон*, *дедерон*, *силон*, *перлон*, *капрон* и т. п. Характеризуя его особенности в русском языке, Р. В. Бахтурина справедливо подчеркивает, что «конечный элемент *-он* (и его морфонологические варианты *-лон*, *-рон*) стал своеобразным семантическим и структурным показателем группы слов — названий синтетических волокон» и что основы этих слов не встречаются в других словах ни в свободном, ни в связанном виде²⁰. Аналогичной интерпретации заслуживает этот элемент и в таких языках, как английский, немецкий или французский. Функционально этот элемент опять-таки эквивалентен аффиксу, но то, что он соединяется исключительно со связанными и уникальными основами, препятствует его квалификации в качестве безусловного аффикса. Налицо снова ограничения дистрибутивного характера, хотя и иные, чем у маркеров первой и второй групп. Ограничения этого рода нередко отражают чужеродность соответствующих образований, т. е. их заимствованный характер. Типичным примером маркеров этого типа может служить, например, англ. *-id*, повторяющееся в заимствованных прилагательных и не имеющее коррелята в виде регулярного аффикса, ср. *stupid* «глупый», *humid* «сырой», *rapid* «быстрый», *solid* «прочный», *valid* «веский» и т. п. Наличие маркера в исландских, голландских и немецких наречеобразных предлогах свидетельствует, однако, что неисконный характер маркера не обязателен.

Из трех выделенных групп маркеров наиболее яркими морфологическими приметами являются маркеры второй группы. Именно эти элементы, коррелятивные аффиксам, демонстрируют, что в ряде случаев информация, связываемая с маркером, идентична той, которая выражена в данном языке регулярными аффиксами. Пример с *глокой куздрой* Л. В. Щербы и аналогичные примеры других лингвистов служат косвенным, но убедительным доказательством того, что морфемная единица, формально совпадающая с аффиксом и занимающая в конструкции одинаковую с ним позицию, неминуемо ассоциируется с этим аффиксом и по значению, а тем самым начинает выполнять роль показателя, т. е. маркера, соответствующих категориальных значений у всей конструкции в целом. О семантической значимости подобных элементов свидетельствуют и опыты американских психологов, экспериментировавших в области опознавания и осмысления незнакомых слов (основ) в окружении известных грамматических (и словоизменительных, и деривационных) примет²¹. Как мы пы-

²⁰ См.: «Словообразование современного русского литературного языка», М., 1968, стр. 226—229.

²¹ Ср.: R. W. Brown, Linguistic determinism and the part of speech, «Journal

тались показать выше, носителями категориальных значений являются и маркеры других групп, так что в целом можно подчеркнуть целесообразность введения этой категории как для описания степеней оформленности слова, так и для описания способов передачи информации в языке.

Интересно, что осознание большей или меньшей семантической нагруженности маркеров сказывается и в расхождениях, возникающих при оценке членимости отдельных форм, и приводит, в частности, к нетождественности решений относительно членимости ~ нечленимости отдельных образований, предлагаемых информантами, с одной стороны, и постулируемых лингвистами, с другой ²².

Введение категории квази-морфов и маркеров позволяет не только уточнить статус разных морфемных единиц в системе языка, но и более адекватно отразить ту семантическую информацию, которая связана с появлением каждой из них. Так, понятие морфа используется для описания единиц, характеризующихся отчетливой сепаратной лингвистической значимостью и обычно выступающих как носители явных и определенных значений. В противовес им понятие корневых квази-морфов вводится для описания единиц, обладающих неясной или низкой семантической значимостью. Наконец, понятие маркеров служит описанию конструкций, оформленность которых меньше, чем оформленность конструкций с безусловными аффиксами, но больше, чем у конструкций, не включающих ни аффиксов, ни маркеров. Категория маркеров способствует, таким образом, описанию таких слов, которые несут в своем составе известную информацию о принадлежности их к тому или иному лексико-грамматическому разряду, но которые выражают эту информацию средствами, по своим дистрибутивным возможностям отличными от регулярных аффиксов.

С помощью указанных понятий можно более объективно описать и конечные составляющие слов, характеризующихся разными типами членимости. Так, слова, обладающие признаком живой морфологической членимости, имеют всегда в качестве своих конечных составляющих м о р ф ы; корневой морф может представлять при этом и свободную, и связанную морфему, повторяющуюся в разном окружении с тем же значением; в случае связанности морфемы, однако, она может быть связанной словоизменительными морфемами (ср. *стекло, куний, писать*). Слова, обладающие признаком условной членимости, представляют собой либо а) конструкции из к в а з и - м о р ф о в (морфологические фразеологизмы), либо б) конструкции из связанных корней и маркеров (связанные корни в этом случае не уникальны). Наконец, слова, обладающие признаками дефектной членимости, содержат в качестве своих конечных составляющих либо уникальный служебный квази-морф, представляя тогда сочетание морфа и маркера, либо уникальный корневой квази-морф, представляя тогда сочетание квази-морфа и маркера (ср. *стеклярус, петух, но брусника, малина*).

По степени членимости все рассматривавшиеся конструкции можно, по-видимому, расположить следующим образом: 1) самым отчетливым свойством разложимости обладают конструкции из одних морфов; 2) за ними следуют слова, обладающие признаками дефектной членимости, имеющие в своем составе безусловный морф и маркер, т. е. слова, выделяющие служебный элемент по отсечению корневого (англ. *children; стеклярус*);

of abnormal social psychology», 55, 1, 1957; S. M. E r v i n, The connotations of gender, «Words», 18, 3, 1962; J. B a r c o, The child's learning of English morphology, сб. «Psycholinguistics», New York, 1961.

²² Ср.: R. S. M e y e r s t e i n, Informant morphemes versus analyst morphemes, «Proceedings of the IX International congress of linguists», 1962, London, 1964.

3) далее располагаются слова, тоже обладающие признаками дефектной членимости и тоже имеющие в своем составе безусловный морф, но сочетающие его не с маркером, а с другим квази-морфом (англ. *cranberry*, нем. *Brombeere*); 4) свойством менее выраженной членимости обладают слова, характеризующиеся условной членимостью и состоящие из повторяющихся связанных корней и маркеров (англ. *deceive*, *receive*, *conceive*); 5) свойством слабо выраженной членимости обладают дефектно членимые слова, состоящие из уникального связанного корня (квази-морфа) и маркера (англ. *jealous*, нем. *fertig*); 6) на грани нечленимости стоят морфологические фразеологизмы.

Если, таким образом, исключить морфологические фразеологизмы, разложение которых происходит по формальным причинам, можно отметить, что членимость слова есть результат вхождения в его состав хотя бы одного безусловного морфа, а оформленность слова — результат наличия в его составе аффикса или маркера. Можно подчеркнуть также, что в строении индивидуальных образований наряду с безусловными морфами принимают участие квази-морфемные единицы, которые определяются как остаточные элементы условно членимых или дефектно членимых форм после выделения в них безусловных морфов. Служебные квази-морфемные единицы (уникальные служебные элементы) и служебные морфы, вступающие в соединение с квази-морфемными единицами, описываются как маркеры. Это позволяет выделить наряду с такими функциональными единицами, как корни и аффиксы, специальную группу морфологических примет, или маркеров. Строгое различение морфов и квази-морфов, с одной стороны, и аффиксов и маркеров, с другой, соответствует системному принципу описания языка и согласуется со стремлением определять каждую единицу по ее положению в целостном единстве. Оно также отвечает формальному требованию описания языка, согласно которому единицы, характеризующиеся в системе языка разным статусом, получают разное наименование.

Итоги настоящей работы, относящиеся к соотношению форм по типам членимости и их конечным составляющим, отражены в специальной таблице.

Характеристика формы в целом	по признаку членимости	членимые			нечленимые
	по типу членимости	безусловно членимые	условно членимые	дефектно членимые	слова-морфемы
	по морфемному составу	конструкции из морфов	конструкции из квази-морфов и морфов		
Характеристика конечных составляющих формы	по их формальной повторяемости	составляющие неуникальны			одно из составляющих уникально
	по структурным особенностям неслужебных составляющих	а) свободные корни; б) корни, связанные флексиями	корни, связанные деривационными элементами	а) любой не-уникальный корень (морф) + уникальный маркер (квази-морф) б) связанный уникальный корень (квази-морф) + маркер (морф)	
	по структурным особенностям служебных составляющих	безусловные аффиксы	маркеры		